

Продуманный безумец

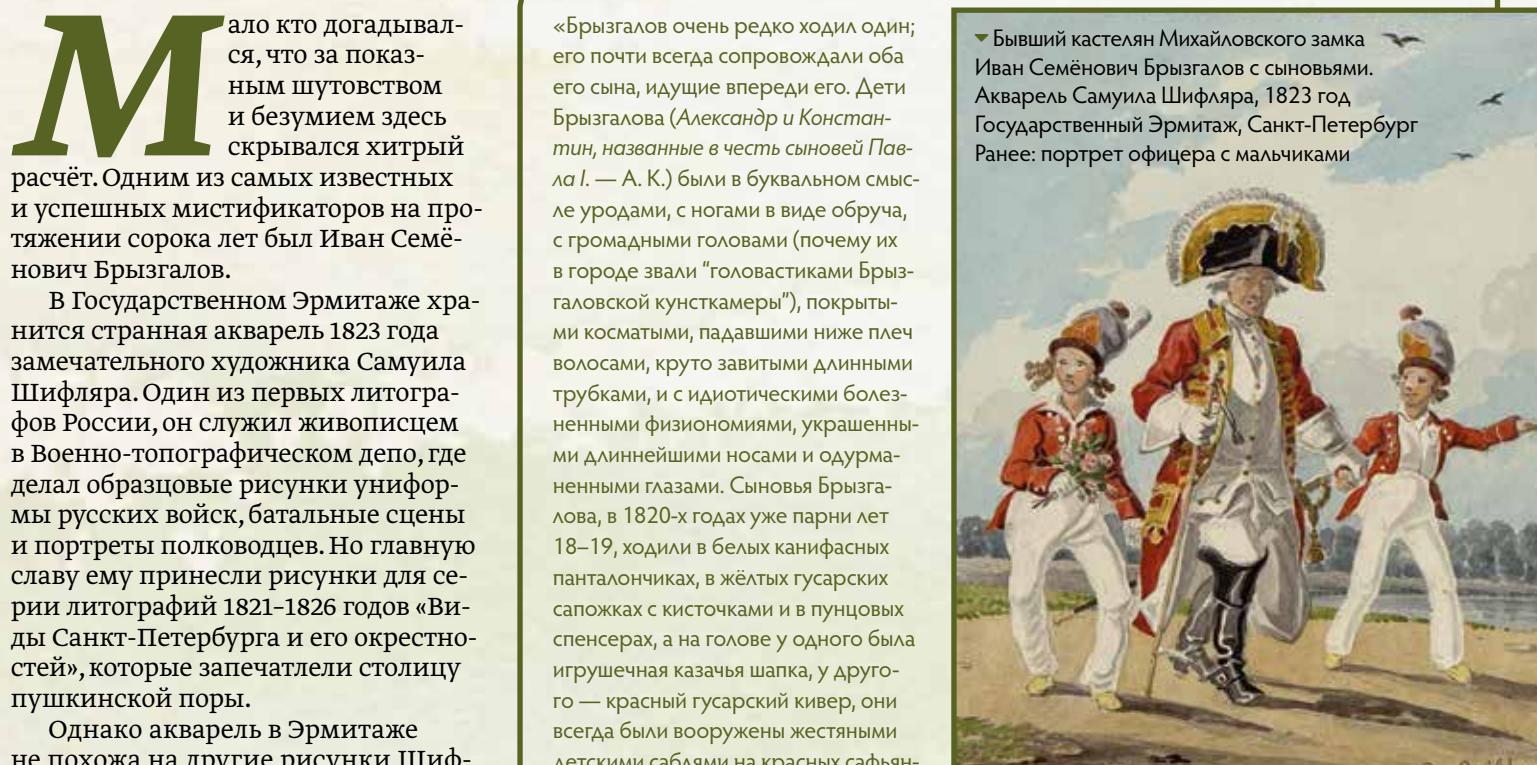
Александр Кивовский, Михаил Дединкин

В Петербурге XIX века встречались порой весьма оригинальные личности, чей странный внешний вид и поведение являлись предметом насмешек и анекдотов. Их чудачества развлекали публику. Для забавы их рисовали лучшие столичные художники...

Мало кто догадывался, что за покальным шутовством и безумием здесь скрывался хитрый расчёт. Одним из самых известных и успешных мистификаторов на протяжении сорока лет был Иван Семёнович Брызгалов.

В Государственном Эрмитаже хранится странная акварель 1823 года замечательного художника Самуила Шифляра. Один из первых литографов России, он служил живописцем в Военно-топографическом депо, где делал образцовые рисунки униформы русских войск, батальные сцены и портреты полководцев. Но главную славу ему принесли рисунки для серии литографий 1821–1826 годов «Виды Санкт-Петербурга и его окрестностей», которые запечатлели столицу пушкинской поры.

Однако акварель в Эрмитаже не похожа на другие рисунки Шифляра. На ней изображены не бравые гвардейцы, а очень странная группа — пожилой мужчина в красном кафтане и огромной шляпе, рядом с ним два мальчика в детских курточках и колпаках. На первый взгляд, это какой-то набросок художника для картины из времён Павла I.

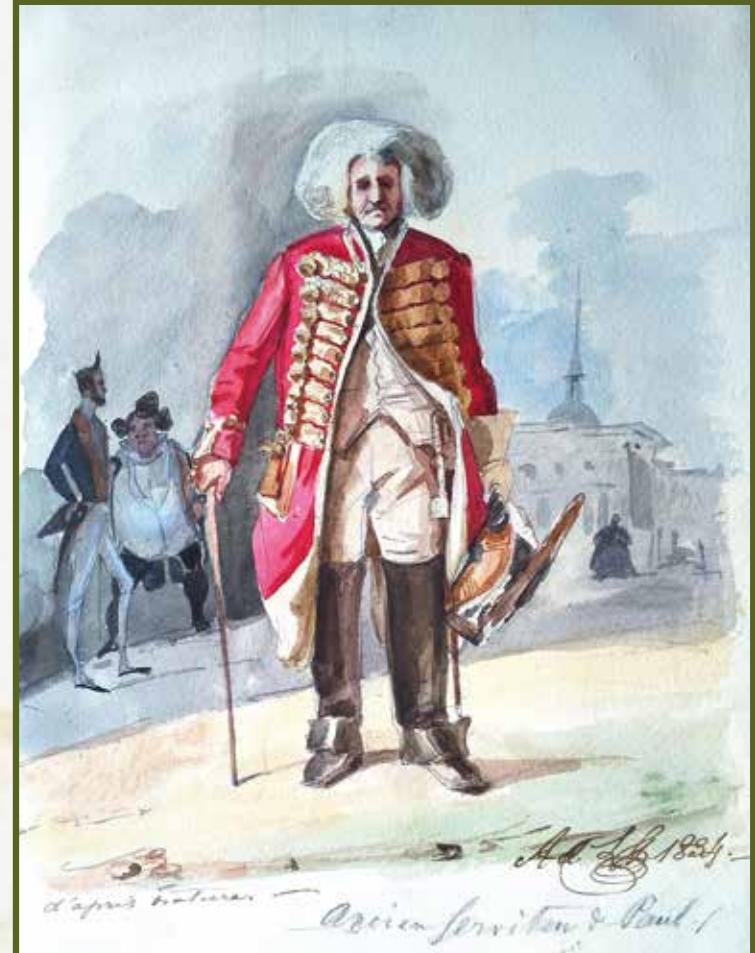

Владимир Бурнашев «Наши чудодеи». СПб., 1875

«Брызгалов очень редко ходил один; его почти всегда сопровождали оба его сына, идущие впереди его. Дети Брызгалова (Александр и Константин, названные в честь сыновей Павла I. — А. К.) были в буквальном смысле уродами, с ногами в виде обруча, с громадными головами (почему их в городе звали "головастиками Брызгаловской кунсткамеры"), покрытыми косматыми, падавшими ниже плеч волосами, круто завитыми длинными трубками, и с идиотическими болезненными физиономиями, украшенными длиннейшими носами и одурманенными глазами. Сыновья Брызгалова, в 1820-х годах уже парни лет 18–19, ходили в белых канифасных панталончиках, в жёлтых гусарских сапожках с кисточками и в пунцовых спенсерах, а на голове у одного была игрушечная казачья шапка, у другого — красный гусарский кивер, они всегда были вооружены жестяными детскими саблями на красных сафьянных портупеях, а в руках имели деревянные красные с серебряной бумагой, изображавшей дуло, ружья, из которых стреляли горохом по команде милого родителя, кричавшего им: "Пали!", когда уличные мальчишки слишком нескромно большой толпой наступали на них с обычными возгласами: "Брызгалята, у-у!" или "бригадирские щенки!"»

Ведь он готовил рисунки к серии «Знаменитые происшествия и деяния из отечественной истории». Поскольку акварель считалась жанровым эскизом, то вопрос определения персонажа никогда не поднимался.

Но, как это ни парадоксально, зарисовка выполнена с натуры и люди на ней вполне узнаваемые. Акварель можно подписать фразой из дневника Пушкина 8 января 1835 года: «Полуумный старик, щеголяющий в шутовском своём мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами». Именно так запомнился петербуржцам Иван Семёнович Брызгалов — человек, придумавший себе оригинальный образ и сорок лет морочивший голову даже царской семье. В начале 1870-х годов журналист Владимир Бурнашев собрал рассказы о Брызгалове и напечатал их в книге «Наши чудодеи». С тех пор все авторы просто пересказывают его очерк, хотя сам Бурнашев признавался, что не пользовался никакими архивами. На основе городских легенд и баек он изложил биографию Брызгалова так, как тот сам её преподносил или как она представлялась окружающим, которые, глядя на его шутовство, верили лишь в самую убогую версию: «Сын крестьянина тверской дворцовой волости, он поступил на службу сначала в истопники гатчинского дворца, когда Гатчина была как бы удельным владением тогдашнего наследника цесаревича. Какими-то судьбами ему удалось привлечь на себя благосклонное внимание великого князя наследника престола Павла Петровича. Вскоре Брызгалов был сделан камер-лакеем, а затем и гоф-фурьером. В этом звании он явился в Петербург в 1796 году, при воцарении императора Павла I. Затем он был

► Шарж на Ивана Семёновича Брызгалова. Акварель Адольфа Ладюрнера, 1834 год. Собрание семьи князей Сайн-Витгенштейн, ФРГ

с 1778 по 1782 год Брызгалов состоял главным писарем в штабе генерал-майора князя Алексея Мещерского, потом два года служил кадетом в Украинском гусарском полку, а 7 марта 1784 года был зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. Но в гвардии он не задержался и 1 января 1785 года вышел в отставку сразу с чином капитана армии. 2 октября 1786 года он получил следующий гражданский чин коллежского асессора, а 20 июля 1789 года вернулся на военную службу во 2-й Московский гарнизонный батальон с переименованием в премьер-майоры. 24 мая 1790 года Брызгалова от

правили на самую окраину империи, в Моздокский гарнизонный батальон. Несколько лет он провёл на Кавказе, после чего 22 февраля 1796 года был определён в 4-й Санкт-Петербургский гарнизонный батальон на должность поручика.

Таким образом, ни камер-лакеем, ни гоф-фурьером Брызгалов не был. Вплоть до 1796 года он вообще не имел возможности оказаться в Гатчине рядом с Павлом Петровичем. Вся эта его биография — выдумка. Тем не менее что-то всё-таки произошло. Скорее всего, Брызгалов как-то проявил себя при воцарении Павла I, оказался на хорошем счету и сделал быструю карьеру. С 23 сентября 1797 года он подполковник, через год, 20 сентября 1798 года, уже полковник. Всего пять лет назад Брызгалов, умевший лишь читать и писать и едва считавший, прозябал на вакансии поручика, а теперь, 10 июля 1798 года, Павел I назначил его командиром

пожалован обер-гоф-фурьером в Михайловском замке и вскоре назначен кастеляном внутренних дворов этого замка с обязанностью наблюдать за своевременным подниманием и опусканием подъёмных мостов тех каналов, какими окружён был этот замок-крепость».

Ни камер-лакеем, ни гоф-фурьером Брызгалов не был

На самом деле архивные документы рисуют судьбу Брызгалова совсем иначе. Происходил он не из крестьян, а из обер-офицерских детей и никогда не был истопником. Службу он начал в Ингерманландском карабинерном полку и в его рядах участвовал в Русско-турецкой войне, в том числе в наступлении Суворова на Туртукай. Затем

◀ Иван Семёнович Брызгалов.
Раскрашенная литография по рисунку
Александра Орловского, 1818 год
Частное собрание

В 1818 году Александр Орловский ради забавы нарисовал Брызгалова со спины, а к литографии остряк князь Василий Мещерский сочинил подпись: «Всем в Петербурге известный малиновый мундир времён Павловских, коса которого лучше его рожи изображает персону». В книжной лавке Заикина пошла бойкая торговля листами. Через несколько дней в лавку вломился Брызгалов и устроил скандал, обещая засудить «проклятого ляха, прощёлыгу и полячишку» Орловского за оскорбление. Он заставил собрать все литографии в тюк и опечатал его сургучом. Узнав об этом, Орловский в свою очередь обозвал Брызгалова «дураком и шутом гороховым» и в гневе поехал к обер-полицмейстеру Горголи (о нём см. «Дилетант», апрель 2017 года). Тот велел квартальному снять печати. Но не тут-то было. Брызгалов закатил полицейским в лавку истерику, угрожая высокими покровителями. Тогда квартальный забрал тюк и вместе с кастеляном поехал к Горголи. Через две недели продажу листов всё-таки разрешили, но без подписи.

Санкт-Петербургского гарнизонного полка! Но, видимо, на это способностей у Брызгалова уже не хватило. 17 ноября 1799 года его убрали с военной службы, назначив кастеляном

Трусевич. 23 марта из замка вынесли тело императора, царская семья разъехалась по другим дворцам, а Трусевич 8 апреля вышел в отставку. Тогда-то на службу снова

приняли Брызгалова, назначив кастеляном опустевшего Михайловского замка. Но уже через год его из замка убрали и определили

состоять при герольдии — почётная синекура для старииков, которые числились на службе, при этом ничего не делая. В списках герольдии имя Брызгалова значилось до 1817 года.

По словам Бурнашева, «Брызгалов с своими сыновьями ассистентами, казалось, составлял нечто вроде какого-то необходимого петербургского аксессуара, почти вроде здания Гостиного Двора

старой формы, напоминавшей об эпохе Павла I, — в напудренном парике с длинной косой и огромной шляпе с позументами, в малиновом кафтане с золотыми нашивками, в громоздких ботфортах со шпорами и с длинной бамбуковой тростью в руке. Сегодня молодёжь называла бы его фриком...

Но не всё так просто. Этим нарядом кастелян создавал легенду о своей близости к покойному императору. Хотя официально Павел I умер от апоплексического удара, столичное общество негласно знало о цареубийстве. С помощью чудаца Брызгалов принял на себя ореол тайны Михайловского замка и ловко разыграл образ близкого, верного слуги Павла. Современник Осип Пржецлавский писал: «Он искренно ли, но вероятнее притворно, утверждал, что дожидается возвращения императора Павла с дальнего путешествия и что тогда напляшутся все, которые считали его умершим».

Несмотря на эпатаж, показная преданность Брызгалова вызывала симпатию у вдовы Павла императрицы Марии Фёдоровны, у чтившего Павла всесильного Аракчеева и даже у Александра I, который нравственно терзался из-за гибели отца. Для Николая I это не имело столь серьёзного значения. Но к тому времени легенда Брызгалова уже сложилась, его продолжали привечать, хоть и считали городским сумасшедшим. Став символом эпохи, кастелян от своего «безумия» получал хорошие дивиденды. Как писал тот же Пржецлавский: «Сомнительно было сумасшествие Брызгалова, но не сомнительно то, что он был ростовщик и страстный ябедник».

Сохранилось немало рассказов о его корысти, скupости и аферах, благодаря которым он получал до 10 тысяч рублей в год. Для сравнения: Пушкин называл громадным назначением ему Николаем I жалованье в пять тысяч...

Как видим, никакого отношения к Михайловскому замку при Павле I Брызгалов не имел. В ночь цареубийства 11 марта 1801 года его кастеляном был коллежский советник

или Адмиралтейского шпиона». Не удивительно, что на видах Михайловского замка художники изображали фигурку кастеляна. Как

писал известный мемуарист Филипп Вигель, «последние памятники того несчастного царствования — укрепления Михайловского замка

◀ Фигура Брызгалова на видах Петербурга у Михайловского замка.
ГМП

и шутовской наряд Ивана Семёновича Брызгалова». В этом наряде его и похоронили в 1841 году, положив с ним в гроб, согласно завещанию, миниатюрный портрет Павла I, — своей роли Брызгалов остался верен до конца. ▶

◀ Раскрашенная литография Александра Орловского, неверно считающаяся портретом Брызгалова. Около 1823 года ГМП

Нам не известно изображение лица Брызгалова. За него неверно принимают литографию Орловского со старым солдатом. Эта ошибка была допущена в 1916 году в «Словаре русских литографированных портретов». По отзывам современников, «физиономия Брызгалова была крайне невзрачная: сухая, морщинистая, буроватая, с крючковатым, узким, тонким и синеватым носом в виде птичьего клюва, белесоватыми глазами, выглядывавшими почти всегда сердито из-под чёрных, широких и густых бровей, слегка напудренных. Прибавьте к этому необыкновенно продолговатый, костлявый, узкий, выдавшийся подбородок, всегда тщательно выбритый, да во рту у него торчало несколько зубов жёлто-бурого цвета, узкие же губы всегда были искусаны в ранках, иссиня-фиолетовые, тичившие из себя кровь, какую нередко была испачкана нижняя часть этого далеко неинтересного и непривлекательного обличия». Даже из этого описания видно, что солдат на литографии всё-таки не Брызгалов.

Авторы — руководитель департамента культуры города Москвы, заместитель заведующего отделом западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа